МАЛОЛѢТНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ I-го КАДЕТСКАГО КОРПУСА въ 1808 г.

(изъ записокъ Н. А. Титова).

Въ началѣ 1808 года отданы были мы съ братомъ Петромъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Предварительно были мы представлены на смотръ къ цесаревичу в. к. Константину Павловичу. жившему въ Мраморномъ дворцѣ.

Когда привезли насъ въ корпусъ, насъ отвели въ лазаретъ. гдѣ насъ раздѣли, осмотрѣли наше тѣлосложеніе, а потомъ привили оспу. Поступили мы въ 5-ю камеру малолѣтнаго отдѣленія, которою завѣдывала мадамъ Альбедиль (*), женщина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худая, черноволосая. косая и къ довершенію пресердитая. При камерѣ были двѣ няньки. первая половина малолѣтныхъ принадлежала Ивановнѣ, вторая же — Акулинѣ; у этой послѣдней находились и мы. Трудно было сначала привыкать къ казенной пищѣ и казенному бѣлью. По утрамъ вмѣсто чая намъ давали овсяный супъ и полубѣлую булку. За обѣдомъ кормили насъ плохо: дадутъ тарелку супу, кусокъ жесткой говядины и пирогъ съ кашей, или со пшеномъ, или говядиной. По праздникамъ давали пирожное — хворосты. Послѣ классовъ во время рекреацій. мы играли въ большой залѣ, гдѣ въ 4 часа становили насъ по камерамъ и вмѣсто вечерняго чая давали по полубѣлой булкѣ и по стакану

(*) Начальницы камеръ были: первой—госпожа Бертольдъ, она же и инспектриса; второй—Алабова; третьей дѣв. Эйлеръ, уже пожилая и сѣдая: четвертой—г-жа Воронцова; пятой—г-жа Альбедиль и шестой — г-жа Боніотъ; эта послѣдняя была всѣхъ добрѣе. Одна изъ дочерей ея была красавица. Н. А. Титовъ.

воды; ужинъ состоялъ изъ тарелки супа и гречневой каши съ масломъ. Мы носили на головѣ шапки-венгерки съ кисточкою изъ разноцвѣтныхъ суконъ. Сколько разъ бывало за ужиномъ, когда давали кашу, выложишь ее въ венгерку и унесешь съ собою въ камеру, спрячешь подъ подушку и поутру лакомишься этою кашею, вынимая ее пригоршней. Иной разъ за ужиномъ давали намъ пряженцы. Это просто былъ ломоть бѣлаго хлѣба, обжареннаго въ маслѣ.

По вечерамъ и по утрамъ Акулина поила насъ чаемъ, который присылала ей матушка, и конечно при этомъ дарила ее деньгами, потому что Акулина насъ особенно отличала. Я былъ мальчикъ бойкій, смышленый, но шалунъ. Поступилъ я прямо въ 3-й классъ, и—дебютировалъ тѣмъ, что когда учитель Житковъ подошедши ко мнѣ спросилъ: „какъ твоя фамилія"? это фамильярное слово тебя такъ меня озадачило, что и я его спросилъ: „а тебя какъ зовутъ?" Не помню только какъ, но я былъ за это наказанъ. Въ первый же годъ пребыванія моего въ корпусѣ, выдержавъ отлично экзаменъ, я получилъ въ подарокъ книгу; при переходѣ во 2-й классъ, я получилъ двѣ книги, при переходѣ же въ первый классъ — три. Подарки эти раздавались торжественно.

Всѣ малолѣтные шести камеръ приводились въ рекреаціонный залъ, гдѣ былъ поставленъ большой столъ покрытый краснымъ сукномъ, обложеннымъ золотымъ галуномъ, и на углахъ этого покрывала висѣли золотыя кисти. На столѣ были разложены подарки, состоявшіе изъ книгъ, бумаги и карандашей; книги были связаны по три, по двѣ, пунцовыми лентами. Раздавалъ ихъ директоръ корпуса, генералъ-лейтенантъ Клингеръ; инспекторъ же классовъ, полковникъ Перскій, вызывалъ удостоенныхъ къ подаркамъ. Въ этотъ день и обѣдъ былъ праздничный, то-есть съ пирожнымъ. Генералъ Клингеръ былъ роста высокаго, сѣдой, съ нависшими, густыми бѣлыми бровями; лицо его было безцвѣтное, взглядъ суровый, угрюмый, и вообще вся личность его вселяла страхъ. Никогда не говорилъ онъ ни съ кѣмъ изъ кадетъ; когда посѣщалъ онъ малолѣтное отдѣленіе, то молча обходилъ классы *). Инспекторъ же классовъ,

(*) Клингеръ говаривалъ: „русскихъ надо менѣе учить, а болѣе бить".
Н. А Титовъ.

полковникъ Михаилъ Степановичъ Перскій, былъ напротивъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ къ воспитанникамъ, говорилъ съ ними; однимъ словомъ, какъ директора не жаловали вообще въ корпусѣ, такъ любили всѣ инспектора. Личность и вся фигура генерала Клингера напоминала прусскаго короля Фридриха Второго. Михаилъ Степановичъ Перскій былъ флигель-адъютантомъ и носилъ финляндскій мундиръ, шляпу же носилъ всегда по формѣ.

Кадеты малолѣтнаго отдѣленія носили темнозеленые длинно-полые сюртуки съ краснымъ воротникомъ, брюки такого же цвѣта, галстуковъ не было, и воротникъ отъ рубашки откладывался по воротнику; обувь, бѣлые чулки и башмаки. При отпускѣ со двора давался чорный поярковый картузъ съ длиннымъ прямымъ поярковымъ же козырькомъ, отороченнымъ черною тесьмою. Когда въ зимнее время отпускали воспитанниковъ со двора, родители обязаны были присылать на нихъ теплую одежду. Церковь въ корпусѣ была общая, какъ для ротныхъ, такъ и для малолѣтныхъ. Придетъ, бывало, въ воскресенье дежурный по корпусу капитанъ и поведутъ насъ въ нее. Намъ всегда предстояло проходить по галереямъ мимо покоя, гдѣ ставили покойниковъ и мы обыкновенно заглядывали въ окно, не увидимъ ли умершаго; случалось, что любопытство наше было удовлетворено. Лазаретъ малолѣтныхъ былъ особый отъ ротныхъ. Смотрительница лазарета была г-жа Стадлеръ, женщина пожилыхъ лѣтъ и высокаго роста, дородная, ходила въ очкахъ. Въ лазаретѣ кормили хорошо.

По субботамъ пріѣзжалъ въ 12 часовъ дантистъ, насъ приводили въ залъ, гдѣ онъ осматривалъ наши зубы; у кого оказывался испорченный зубъ, того ставилъ онъ въ сторону и, по окончаніи осмотра, производилась операція. Подобный случай былъ и со мною, и когда я испыталъ на себѣ, что операція эта крайне мучительна, тогда въ другой разъ, когда я былъ оставленъ въ сторонѣ, я пролѣзъ подъ столъ и убѣжалъ, и тѣмъ спасся отъ единожды уже испытанной операціи.

Каждый годъ на страстной недѣлѣ малолѣтное отдѣленіе говѣло и, бывало, въ среду придетъ отецъ Стахій и исповѣдуетъ насъ всѣхъ за разъ; оказывалось, что мы были грѣшны по всѣмъ заповѣдямъ.

Мадамъ Альбедиль приходила иной разъ къ обѣду, помимо дня своего дежурства, что было намъ, кадетамъ 1-го класса, крайне непріятно, потому, что она возвѣщала во всеуслышаніе: „messieurs, la première classe viendra chez moi“. Это значило, что кадеты 1-го класса тотчасъ послѣ обѣда должны были придти къ ней и, вмѣсто рекреаціи, обязаны были въ продолженіи часа выучить урокъ изъ Vocabulaire en trois langues. Невыучившій въ промежутокъ этого времени урока, подвергался вечеромъ наказанію, т.-е. розгамъ. Нянька Ивановна сѣкла больно. Тычки, пеньки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейкою по пальцамъ—все это было дѣло обыкновенное.

Лѣтомъ выводили насъ гулять въ садъ, а по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ насъ пускали, конечно подъ присмотромъ дежурной дамы и нянекъ, въ большой садъ, гдѣ мы сходились съ ротными кадетами и такимъ образомъ съ ними знакомились. Въ большомъ саду всѣ стѣны были исписаны сентенціями знаменитаго графа Ангальта, бывшаго нѣкогда директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. Сентенціи эти напечатаны были особою книгою, небольшого формата, подъ названіемъ: La muraille parlante. Въ числѣ книгъ полученныхъ мною на экзаменахъ, я получилъ и эту книгу. По случаю смерти старшаго брата моего, который воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, мать моя пожелала взять насъ изъ корпуса, изъ коего, по просьбѣ ея, были мы уволены въ началѣ 1811 года.

Въ числѣ офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса, находился капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ. Шефомъ корпуса былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ 1846 году навѣстилъ я племянника моего, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Сколько перемѣнъ нашелъ я тамъ, конечно къ лучшему. Малолѣтный корпусъ уже не существовалъ; онъ былъ переведенъ въ Царское Село. Эти холодныя галлереи по которымъ ходили и бѣгали мы зимою и осенью въ классы и внизъ по лѣстницѣ въ столовую, обращены были въ теплые и свѣтлые корридоры; рекреаціонный залъ и столовая обратились въ великолѣпныя залы...

Сообщ. **Н. А. Титовъ.**